

УДК 159:316.624

DOI: 10.26140/anip-2019-0804-0068

ПРОТЕСТНЫЙ АКЦИОНИЗМ В КОНТЕКСТЕ ДЕСТРУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2019

Ежов Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, доцент, доцент

Департамента политологии и массовых коммуникаций

Финансовый университет при Правительстве РФ

(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49, e-mail: president@lenta.ru)

Аннотация. В статье исследуется явление протестного акционизма как проявления деструктивности и девиации, имеющего психопатологическую природу. Подчеркивая междисциплинарный характер проблемы, автор опирается на широкую теоретическую базу, включающую в себя труды ученых, исследовавших затрагиваемую в статье проблематику в различных областях, уделяя при этом первостепенное значение психологическим концепциям деструктивности, деструктивной деятельности, соотношения креативности и девиантности. Выводы базируются на гипотезе, заключающейся в том, что протестный акционизм, осуществляемый в концептуализированной и деконцептуализированной формах, несет в себе эффект деструктивной деятельности. В ходе исследования автор рассматривает распространенные в науке подходы к трактовке акционизма. В ходе анализа феномена акционизма делается акцент на его психопатологической природе. Отдельное внимание уделено рассмотрению характеру девиации в протестном акционизме П. Павленского. Характеризуя процесс деконцептуализации акционизма, автор прибегает к упоминанию примеров из деятельности православных и экологических активистов, определяя ее характер в качестве деструктивного. В статье констатируется, что проявления деструктивности и девиации в акционизме, предполагающем наличие оформленной концепции, равно как и в акционизме, являющимся следствием деконцептуализации и свойственным деятельности радикальных активистов различного толка, различны по своему характеру.

Ключевые слова: акционизм, протестный акционизм, деструкция, деструктивность, девиация, девиантность, деструктивная деятельность, креативность, асоциальная креативность, протест, протестное искусство, радикальный активизм, арт-активизм.

PROTEST ACTIONISM IN THE CONTEXT OF DESTRUCTIVE ACTIVITY

© 2019

Ezhov Dmitriy Aleksandrovich, candidate of political sciences, associate professor,

associate professor of the Political Science and Mass Communications Department

Financial University under the Government of the Russian Federation

(125993, Russia, Moscow, Leningradsky ave, 49, e-mail: president@lenta.ru)

Abstract. The article deals with the phenomenon of protest actionism as a manifestation of destructiveness and deviation, having a psychopathological nature. Emphasizing the interdisciplinary nature of the problem, the author relies on a broad theoretical base, incorporating the works of scholars who have studied the affected in the article the problems in various fields, with priority the value of the psychological concepts of destructiveness, destructive activities, relations, creativity and deviance. The conclusions are based on the hypothesis that the protest action undertaken in conceptualized and de-conceptualized forms, carries the effect of destructive activities. In the study, the author examines the common scientific approaches to the interpretation of action. The analysis of the phenomenon of the action focuses on his psychopathological nature. Special attention is given to consideration of the nature of the deviation in the P. Pavlensky's protest actionism. Describing the process of reconceptualization of action the author uses to mention examples of the activities of the Orthodox and environmental activists, determining its nature as destructive. The article states that the manifestations of destructiveness and deviation in conceptualized actionism such as in its de-conceptualized form, have a different nature.

Keywords: actionism, protest actionism, destruction, destructiveness, deviation, deviance, destructive activity, creativity, antisocial creativity, protest, protest art, radical activism, art activism.

Постановка проблемы. Акционизм как явление имеет ярко выраженный протестный характер. В современном обществе наблюдаются тенденции симплификации принципов акционизма, обобщаемых в поиске новых способов выражения протеста, в процессе их транзита в деятельность политических, религиозных и экологических активистов. В предлагаемой статье явление протестного акционизма рассмотрено в качестве проявления деструктивности и девиации, имеющего психопатологическую природу. Таким образом, в качестве объекта настоящего исследования выступает протестный акционизм как междисциплинарная научная проблема, а непосредственным предметом авторского внимания является девиантная природа соответствующего феномена.

Цель, задачи и методология исследования. Исходя из объектно-предметной специфики, исследовательская цель сводится к выявлению психопатологических проявлений протестного акционизма посредством апелляции к психологическим концепциям деструктивности, деструктивной деятельности, соотношения креативности и девиантности, составляющих теоретическую основу статьи. Авторские суждения строятся на гипотезе, заключающейся в том, что протестный акционизм, осуществляемый в концептуализированной и деконцептуализированной формах, несет в себе эффект деструктивной деятельности.

Состояние опроса в литературе. Несмотря на то, что традиционное представление об акционизме сво-

дится к его восприятию в качестве формы постмодернистского искусства, в научной литературе акционизм исследуется с точки зрения различных позиций, привлекая внимание политологов, психологов, философов, искусствоведов, культурологов, социологов, лингвистов, юристов, что свидетельствует о междисциплинарном характере проблемы. Наиболее дискуссионный вопрос в соответствующих научных изысканиях сводится к интерпретации рассматриваемого феномена. В частности, Н.В. Чумичева выявляет в качестве наиболее обоснованных следующие вариации интерпретации акционизма: психофизиологическая и поведенческая девиация, художественное воплощение революционных идей, наивный и незрелый молодежный экстремизм, действенный менеджмент агентов влияния из творческой среды [1, с. 76]. М.Г. Чистякова, идентифицируя акционизм в качестве формы художественного активизма, основанной на идее процессуальности, предполагающей «смещение акцента с результата творчества на собственный процесс создания художественного произведения [2, с. 105], рассматривает его в качестве инструмента расширения чувственной сферы человека в силу актуализации концепта телесности на фоне сглаживания культурной оппозиции «дух-тело» [2]. М.Д. Попкова и Т.А. Короленко, считая акционизм ставшей художественной нормой перформативной, ориентированной на шокоевое воздействие, формой проявления активизма современных арт-практик, констатируют факт политизации со-

временного акционизма, вследствие чего сужается его смысловой горизонт [3]. Сущность акционизма в терминах арт-активизма трактуется Ю.А. Акуниной, рассматривающей влияние на становление протестной культуры психолого-педагогических и социальных факторов [4].

На наш взгляд, природу акционизма в наибольшей степени раскрывают психологические концепции. Характерное для акционизма стремление к нанесению увечий и демонстрации концептуально оформленных образов и композиций, содержащих в основе своего конструирования шок-контент, позволяет нам рассматривать исследуемое явление в контексте концепта деструктивности. Проблема деструктивности детально анализируется в работе Э. Фромма «Анатомия человеческой деструктивности», где соответствующий феномен представлен в виде биологически неадаптивной (злокачественной) агрессии, приносящей биологический вред и социальное разрушение [5]. Определяя в качестве цели деструктивности получение удовольствия [5, с. 164], Э. Фромм выделяет два вида деструктивности: спонтанную, активизирующуюся при чрезвычайных обстоятельствах, и связанную со структурой характера, присущую индивиду всегда – садизм, некрофилию [5, с. 236-300], и видит в деструктивности механизм самоутверждения ценой варварского разрушения жизни [5, с. 316].

Из современных ученых к анализу деструктивной деятельности человека обращается И.В. Лысак, рассматривающая ее в качестве специфической формы отношения субъекта к миру или самому себе, основным содержанием которого является разрушение существующих объектов и систем [6, с. 3]. Согласно концепции, предложенной автором, деструкция может быть направлена человеком на самого себя или вовне. При этом деструкция, направленная вовне, имеет различные цели, среди которых: уничтожение другого человека (убийство, каннибализм); разрушение социума или определенных общественных отношений (террористический акт, революция, государственный переворот); разрушение неодушевленных предметов, в том числе, памятников культуры (вандализм), а также природной среды; аутодеструкция при этом воспринимается не только в виде суицида – тотальной формы саморазрушительной деятельности человека, но и в качестве патологического процесса разрушения структуры личности или отдельных ее элементов (другими словами, деструктивных изменений личности) [5, с. 8-9].

Отдельного внимания заслуживают работы Н.В. Мешковой и С.Н. Ениколопова, посвященные исследованию проблемы соотношения креативности и девиантности. Авторы подчеркивают актуальность изучения проблемы использования творческого мышления в тех случаях, когда достижение собственной цели индивидом приводит к нанесению намеренного вреда другим людям или объектам, то есть к агрессии [7; 8, с. 280] и вырабатывают комплексную модель креативности и девиантности, позволяющую концептуализировать четыре вида креативности. Речь идет о следующих видах креативности: 1) негативная креативность - решение легитимной задачи легитимными способами, в ходе которых обнаружился ненамеренно нанесенный вред людям или объектам; 2) креативная девиантность - решение легитимной задачи нелегитимными способами, нанесшими вред другим людям; 3) антисоциальная/асоциальная креативность - решение нелегитимной задачи нелегитимными или деструктивными способами, нанесшими вред другим людям; 4) девиантная креативность - решение нелегитимной задачи легитимными способами, в результате которого был нанесен вред собственности. [8, с. 285]. По своей сути асоциальная креативность выражается в применении творческих способностей во вред другим [9], а, следовательно, является проявлением девиации и формой деструктивной деятельности.

Результаты исследования. На основе изложенного

выше считаем оправданным рассмотреть в качестве проявления деструктивной деятельности и социальной девиации феномен протестного акционизма в его концептуализированной и деконцептуализированной формах. Концептуализированный акционизм предусматривает наличие у акции четко обоснованной концепции, эксплицируемой ее исполнителем. В этом случае при допущении характеристики подобных примеров допустим подход, предполагающий их трактовку в контексте апелляции к постмодернистскому искусству, что, впрочем, не исключает вероятности проявления элементов социальной девиации субъекта. Деконцептуализированный акционизм, как следует из формулировки термина, лишен какой-либо концептуальной идеи, является непосредственным следствием социальной деградации исполнителя. И в одной, и в другой вариациях протестный акционизм становится проявлением деструктивной деятельности и девиантного поведения, что иллюстрируют приведенные ниже примеры.

Акционизм стал набирать популярность в Западной Европе 1960-х годов и находит свои истоки в венском акционизме, представленном в виде радикального движения, связанного с деятельностью австрийских художников Г. Брюса, О. Мюля и др. ..., совершавших акции ритуального характера с использованием христианской символики. Художники-акционисты наносили себе физические увечья, топили друг друга в крови с внутренностями животных и делали ритуальные жертвоприношения. Так, например, акция под названием «Libi», осуществленная в 1969 году, заключалась в том, что в рот акциониста текло разбитое яйцо из вагины женщины с менструацией. Деятельность венских акционистов объяснялась избавлением социального тела от патогенных эффектов через методы психотерапии, в том числе абреакцию и катарсис [10]. В России интерес к акционизму наметился к началу 1990-х годов, оформившись в движение «московского акционизма», фактическое начало которому положила акция «ЭТИ-текст», организованная «Движением Э.Т.И.», в ходе реализации которой группа людей под руководством художника А. Осмоловского выложила своими телами напротив мавзолея В.И. Ленина нецензурное слово. Более подробный анализ деятельности «московских акционистов» содержится в работе П. Митенко, подчеркивающим асоциальность акционизма как явления [11].

Развитие акционизма в России XXI века тесно связано с именем П. Павленского, чья деятельность стала предметом ряда научных исследований ввиду ее неоднозначности. П. Павленский известен акциями «Шов», «Туша», «Фиксация», «Свобода», «Отделение», «Угроза» и «Освещение». Пожалуй, наиболее резонансными из них стали акции «Шов», «Фиксация» и «Отделение». Так, в рамках акции «Шов» акционист зашил себе рот в знак поддержки феминистской панк-рок-группы «Pussy Riot», участницы которой были арестованы в 2012 году после совершения ими «панк-молебна» в Храме Христа Спасителя. Во время акции «Фиксация» П. Павленский прибил гвоздями к брусчатке Красной площади собственную мошонку, изображая тем самым человеческое равнодушие к политике и выражая апатию к происходящему на уровне метафоры. Акция «Отделение» состояла в отрезании мочки уха в знак протеста против использования психиатрии в политических целях. Как мы видим, во всех этих трех акциях инструментарием выражения протеста художника становится нанесение физических увечий самому себе. К исследованию психического состояния и поведения П. Павленского с точки зрения современной психиатрии обращается В.Д. Менделевич; автором, в частности, подчеркивается необходимость выработки четких критериев девиаций поведения и поведенческих расстройств, что особенно актуально при оценке психического здоровья лиц, проявляющих политическую активность, и представителей современного искусства [12]. То, что с большей долей

вероятности у П. Павленского можно диагностировать аномальный тип личности «ориентированный на протест против соответствия своего поведения требованиям других людей», а его личность находится в конфликте с сущностью человека, и этот конфликт может провоцировать возникновение психологических жизненных проблем и психопатологических расстройств, полагает С.А. Капустин [13]. В то же время, по мнению Л.К. Бондаренко, «акции Павленского «Фиксация», «Шов», «Отделение» в контексте предмета судебно-искусствоведческой экспертизы логично рассматривать как вид художественного творчества в рамках современного искусства: 1) как перформанс провокационного содержания в рамках пограничного современного искусства; 2) как событийное мероприятие в социокультурной жизни общества, в рамках современной российской культуры» [14, с. 146]. Точка зрения М.С. Яраловой сводится к тому, что деятельность П. Павленского целесообразно трактовать исключительно как акционизм, находящийся на стыке политической, арт- и социальной среды [15, с. 125].

Суммируя изложенное выше, полагаем расценивать творчество П. Павленского как типичный концептуализированный акционизм, содержащий в себе элемент социальной девиации. Оценка значения деятельности П. Павленского в научном осмыслении содержательной трансформации акционизма представляется важным, поскольку проведенные им акции, несмотря на их неоднозначность, выглядят сюжетно продуманными и концептуально целостными. Проведенные анализ и оценка акционизма П. Павленского формируют базу для дальнейшего исследования, сводящегося к рассмотрению фактической деконцептуализации исследуемого нами феномена, сводящейся к транзиту девиантных приемов, характерных для акционистской практики, в деятельность радикальных активистов различного толка. В большей степени, эта тенденция проявляется в сферах религиозного и экологического активизма. Характерными чертами акций, осуществляемых в ходе реализации радикальными и экологическими активистами их деструктивной деятельности, является высокая степень девиантности, отсутствие четкой концептуальной составляющей, протестный характер. На этом основании полагаем оправданным рассматривать их как образцы деконцептуализированного акционизма или, другими словами, псевдоакционизма.

Деконцептуализация акционизма обнаруживается в деятельности православных активистов, одним из ярких представителей которых является Д. Цорионов, более известный как Энтео, в свое время основавший движение «Божья воля». Акционизм православных активистов наиболее характерно проявился в их восприятии трактовки библейских и религиозных сюжетов в произведениях культуры и искусства. В апреле 2015 года участники «Божьей воли» протестовали против спектакля «Идеальный муж» режиссера К. Богомолова в МХТ им. А.П. Чехова. В постановке они усмотрели пропаганду разврата, гомосексуальных отношений и наркомании, а также осквернение символа распятия. В ходе реализации протестной акции ее участники подложили свиную голову на крыльцо театра, а после этого под скандирование лозунгов «Россия без богохульства!» и призывы к отмене спектакля человек в костюме смерти с косой срывал с других участников акции маски и швырял их в стену МХТ. В сентябре 2015 года под предлогом защиты чувств верующих православные активисты разрушили часть экспозиции выставки «Скульптуры, которые мы не видим» в выставочном зале «Манеж», где были выставлены работы скульптора В. Сидура. Объектом неадекватного внимания радикальных православных активистов стали изваяния и линогравюры с изображением Иисуса Христа и Богородицы. На основании изученной теоретической базы полагаем оправданным квалифицировать деятельность православных активистов как

деструктивную, а проведенные ими акции в виде проявления социальной девиации.

Деконцептуализация акционизма в деструктивизме радикальных эоактивистов выражается в деятельности отдельных защитников природы в области экопротестной борьбы. Наиболее показательным примером в этом отношении является эпатажная фигура архангельского эоактивиста А. Христофорова, более известного как Древарх Просветленный, или Человек-дерево. Так, в декабре 2009 года он забрался на верхушку главной городской ёлки Архангельска и через мегафон пытался донести недовольство новогодней традицией вырубать живые ёлки, потребовал личной встречи с мэром и губернатором и призвал всех жителей города забраться к нему на ёлку. Всплеск упоминаний о Древархе в медиаресурсах пришелся на период активизации протестной борьбы против строительства мусорного полигона вблизи станции Шиес в Архангельской области. Общеизвестно, что в целях выражения протеста в мае 2019 года эоактивист обстрелял из водяного пистолета с мочой людей, охраняющих выгрузку песка из вагонов, а позже размазал по крыльцу полицейского участка экскременты. По нашему убеждению, подобные акционистские приемы также квалифицируемы в качестве деструктивных и девиантных, а, кроме того, являются индикатором степени адекватности способов работы отдельных эоактивистов и могут рассматриваться как непосредственное отражение социально-психологической деградации. По своей сути и форме реализации подобные деконцептуализированные акционистские приемы являются проявлениями крайней степени асоциальной креативности и их более оправданно уравнивать с актами хулиганства или вандализма, относящегося, как было указано ранее, к одному из типов деструкции, направленной вовне.

Выводы. В заключении отметим, что исследование протестного акционизма как проявления деструктивности позволяет прийти к выводу, что рассмотренные примеры концептуализированного и деконцептуализированного акционизма представляют собой различные проявления деструктивности и социальной девиации. Концептуализированный акционизм, в равной степени, как и деконцептуализация принципов акционизма, являющаяся результатом их транзита в деятельность радикальных активистов различного толка, несут в себе эффект деструктивной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Чумичева Н.В. Политическая метафора российского акционизма как односторонний диалог искусства с режимом // *Научный вестник Южного института менеджмента*. 2016. № 1. С. 76-82.
2. Чистякова М.Г. Акционизм в искусстве: философско-антропологические смыслы // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2010. № 3. С. 105-109.
3. Попкова М.Д., Короленко Т.А. Акционизм в современном искусстве // *Социальное пространство XXI век – век дизайна: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 15-16 мая г., Екатеринбург / под ред. А. Б. Костериной*. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2014. С. 126-132.
4. Акунина Ю.А. Арт-активизм как актуальная форма протеста: социокультурный анализ // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2014. № 1 (57). С. 79-85.
5. Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: Республика, 1994. 447 с.
6. Лысак И.В. *Механизмы и последствия деструктивной деятельности человека*. Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во СКНЦ ВШ, Изд-во ТРТУ, 2006. 80 с.
7. Ениколопов С.Н. Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения // *Прикладная юридическая психология*. 2010. № 2. С. 37-47.
8. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Креативность и девиантность: связь и взаимодействие // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т. 15. № 2. С. 279-290. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-2-279-290.
9. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. О психологических исследованиях асоциальной креативности // *Психологические исследования: электронный научный журнал*. 2016. Т. 9. № 50.
10. Булатов Д.А. Искусство катарсиса. Венский акционизм и преодоление поколенческой травмы // *Искусствознание*. 2018. № 2. С. 272-297.
11. Митенко П. Как действовать на виду у всех? (Московский акционизм и политика сообщества) // *Новое литературное обозрение*. 2013. № 6 (124). С. 252-268.

12. Менделевич В.Д. Казус художника-акциониста Петра Павленского: психопатология или современное искусство? // *Неврологический вестник. Журнал им. М.В. Бехтерева*. 2016. Т. 48. № 1. С. 4-16.

13. Капустин С.А. Использование экзистенциального критерия нормальной и аномальной личности для психологического анализа случая Петра Павленского // *Неврологический вестник. Журнал им. М.В. Бехтерева*. 2016. Т. 48. № 2. С. 47-50.

14. Бондаренко Л.К. Отличие художественного творчества от правонарушения (на примере творчества П. Павленского) // *Актуальные проблемы российского права*. 2018. № 4 (89). С. 140-149.

15. Ярлова М.С. Кому, как и почему угрожает Петр Павленский // *Вестник РГГУ. Серия: История. Философия. Культурология. Востоковедение*. 2017. № 9 (30). С. 12-130.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету (2019).

Статья поступила в редакцию 27.08.2019

Статья принята к публикации 27.11.2019